

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
РУССКОЙ И
СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**



МОСКВА 1991

1993к

6812

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Москва - 1991

645929

КАБИНЕТ РЕДКОСТЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ДЕПО КАРТ

В литературе отмечалось, что первым государственным археологическим музеем в Северном Причерноморье был Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве¹. Однако почти во всех публикациях, так или иначе затрагивающих историю археологических исследований в этом регионе, названы неверные даты создания музея – 1806² или 1809 г.³

Депо карт в Николаеве было образовано в 1803 г. из временной Чертежной при Черноморском правлении главным командиром Черноморского флота и портов (1802–1809) И.И.Траверсе, для производства морской съемки в Черном и Азовском морях⁴. Сотрудники депо занимались составлением гидрографических карт, метеорологическими наблюдениями, составлением планов и чертежей кораблей и зданий, принадлежащих морскому ведомству, хранением инструментов и моделей, вопросами истории Черноморского флота. Первоначально 1000, а позднее 3000 рублей ежегодно отпускалось на покупку книг, инструментов, редкостей и другие расходы⁵.

Черноморскому флоту принадлежали земли во многих местах Северного Причерноморья, в том числе в районах Николаева, Херсона, Севастополя и Керчи. При проведении хозяйственных, строительных и фортификационных работ моряки постоянно сталкивались с материальными остатками прошлого. Многие офицеры, большинство из которых получило прекрасное образование, понимали важность сохранения "антиков", необходимость их охраны, коллекционирования и изучения.

Инициатором создания Кабинета редкостей при депо был адмирал маркиз Иван Иванович Траверсе (1754–1831), французский офицер-роялист, перешедший на русскую службу в 1791 г. Его деятельность на посту главного командира Черноморского флота большинством историков оценивается как неудачная. И.П.Белавенец, характеризуя личность адмирала, подчеркивал мягкость характера, любезность, вкрадчивый ум и безукоризненное французское обращение, высоко ценимое тогдашним высшим обществом.⁶ Эти черты приобрели И.И.Траверсе симпатии, имевшие большое влияние на его служебную карьеру – в 1808 г. ему поручили

управление морским министерством, затем он стал морским министром России (1811-1828), членом Государственного Совета⁷. В 1805 г. командующий Черноморским флотом получил звание "Николаевский и Севастопольский губернатор" - в руках И.И. Траверсе сосредотачивалась вся военная и гражданская власть в этих городах⁸.

Однако в дореволюционной литературе о И.И.Траверсе было высказано и иное мнение. Один из историков г. Николаева писал, что "просвещенный и любимый государем деятель" имел несомненный авторитет среди жителей города, т.к. "постоянно словом и делом поднимал в обществе нравственные его силы, втягивал людей в заботу об общих интересах"⁹. Очевидно, что историки науки обязаны объективно осветить роль адмирала в организации охраны памятников Северного Причерноморья, т.к. здесь его заслуги бесспорны.

Командование Черноморского флота обратилось к морякам, чиновникам и частным лицам с просьбой содействовать пополнению Черноморского депо карт "разными предметами по части искусств, точных наук, древностей и прочего", открыло всем желающим вход в Библиотеку и кабинеты депо с целью "распространения... познаний"¹⁰. Число экспонатов Кабинета редкостей увеличивалось большей частью благодаря случайным находкам и пожертвованиям моряков. Наряду с картами, планами городов, чертежами и моделями кораблей, коллекциями минералов, раковин, окаменелостей, чучел животных, экспонатами этнографического характера, в депо стекались камни с античными надписями, скульптура, монеты, керамика. "Антики" привозили не только из районов Северного Причерноморья - Тиры, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Тамани, Анапы, но и собственно из Греции, прежде всего с островов Архипелага.

В описях Кабинета редкостей иногда указывались фамилии лиц, пожертвовавших вещи, и дата их поступления: адмирал И.И.Траверсе (1804, монеты), жена генерал-майора Гаксова (1804, древняя "медаль, изображающая Венеру, выходящую из морской пены", медное изображение Богоматери, "изображение на апсиде человеческих фигур с греческой надписью", вероятно, из Херсонеса), контора главного командира Черноморского флота (1805, маленькая глиняная ваза из Ольвии, медные дощечки с египетскими иероглифами, два древнерусских серебряных

кубка), трапезундский консул Пантовего (резная гемма из оникса), капитан 4-го морского полка Канторин (1807, железные латы из Пантикапея), действительный статский советник Г.В. Орлов (1809, монеты) и т.д.^{II}

В "Ведомости общей находящимся при депо Черноморского флота...вещам" (1806) "разные древности" перечислены вместе с раковинами и окаменелостями в количестве 595 штук. К сожалению, из этого документа невозможно понять, какие именно памятники и откуда вошли в опись. Коллекция древних и новых золотых, серебряных и медных монет уже тогда состояла из 225 экземпляров¹².

Кабинет редкостей Черноморского депо карт не был единственным собранием археологических памятников в учреждениях Черноморского флота. Известный антикварий академик Е.Е.Кёлер, посетивший Николаев во время первой поездки в Новороссию (1804), видел в коридоре Штурманского училища шесть античных мраморов с барельефами и надписями. Он просил И.И. Траверсе отправить памятники президенту Академии художеств графу А.С.Строганову¹³. Штурманское училище было учреждено в Николаеве в 1798 г. с целью подготовки для службы в Черноморском флоте штурманских офицеров и кондукторов из детей дворян¹⁴. "Антики", как и другие "курьезные вещи", служили украшением училища, а может быть, рассматривались и как учебный материал.

По указанию Е.Е.Кёлера, казаки из Ахтиара (Севастополя) отправили в Николаев античный мрамор, который И.И.Траверсе намеревался подарить императору Александру I. Эффектная находка, несомненно, должна была понравиться царю и засвидетельствовать служебное рвение маркиза. Судя по архивным документам, адмирал всячески сопоособствовал успеху поездки Е.Е.Кёлера 1804 г. по Северному Причерноморью. В благодарность за внимание к своим трудам ученый прислал И.И. Траверсе "Диссертацию о памятнике царицы Комосарии"¹⁵ в двух экземплярах, причем один из них настоятельно просил передать в Библиотеку Черноморского депо карт.

Е.Е.Кёлер был поражен варварским отношением местных властей к археологическим памятникам и поделился своим возмущением с попечителем Харьковского учебного округа графом С.О.Потоцким, который в 1806 г. добился права сбора, хране-

ния и изучения древностей в музее Харьковского университета¹⁶. Узнав об этом, И.И.Траверсе добился такой же льготы для Кабинета редкостей Черноморского депо карт, подав в августе 1809 г. соответствующий рапорт министру морских сил П.В.Чичагову. Публикуем текст этого интереснейшего документа.

"В Тамани находится много древностей в камнях с греческими и другими надписями. Мне давно уже обещал Херсонский военный губернатор господин генерал-лейтенант дюк де Ришелье отдать таковые камни для Черноморского депо, но теперь оказывается, что по высочайшему повелению запрещается собирать кому-либо из частных людей оные по Новороссийскому краю^х, а монументы и греческие надписи отысканные и впредь отыскиваемые предоставлены Харьковскому университету. Как Черноморское депо есть также государственное [учреждение], и кроме морского департамента нет другому месту удобства получать из Крыма и Тамани таковые камни по огромности и тяжести их без важных издержек, то и останутся оные надолго бесполезными, и могут быть растеряны: ибо Харьковский университет, имея высочайшее позволение еще с 1806 года не приступал не только к забору, но и к отысканию во многих местах оказывающихся. Я осмеливаюсь в сем случае прибегнуть к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, и ежели удостоить оную благосклонным уважением вашим, то надеюсь показать значительную пользу чрез отыскание в Крыму и на Тамани древностей и доставлю оные без издержек для казны на судах в николаевское депо, откуда можно будет и университету с греческих надписей извлекать полезное для истории здешнего края"^в.

Александр I утвердил предложения И.И.Траверсе и П.В.Чичагова. По всей Новороссии немедленно были разосланы циркуляры с приказом "все помянутые древности доставить в Керчь и Севастополь или к другим черноморским портам по удобности, а оттол на судах в Николаев, где состоит морское депо"¹⁹.

Став морским министром, И.И.Траверсе в 1811 г. распорядился проводить ежегодные контрольные проверки фондов депо

^х Имеется в виду распоряжение по министерству внутренних дел, утвержденное Александром I по докладу Е.Е.Кёлера, "об ограждении от разрушения древностей Тавриды" 1805 г.¹⁷

специальным чиновником с целью "обеспечения целостности всех вещей" и обязательным представлением сведений в Петербург²⁰.

К сожалению, нам неизвестны данные о состоянии Черноморского депо карт во время командования Черноморским флотом вице-адмирала Н.Л.Языкова (1809—1816). Вероятно, он вообще не уделял внимания развитию и пополнению коллекции древностей — документы об этом умалчивают.

Преемником Языкова на этом посту (с 1816 г. по 1833 г.) стал Алексей Самуилович Грейг (1775—1845). Историк русского флота П.И.Белавенец справедливо сказал о нем: "...Англичанин [вернее, шотландец — И.Т.] родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне"²¹.

Энциклопедически образованный человек, почетный член Петербургской Академии наук (1822), А.С.Грейг начал энергичную деятельность по совершенствованию Черноморского флота, русского кораблестроения, развитию отечественной науки и техники²². В отчете о своей деятельности за первые 12 лет пребывания на посту главного командира А.С.Грейг указывает 246 различных мероприятий по улучшению флота и его учреждений, в том числе по охране археологических памятников²³. Так, в 1823 г. по его инициативе мичман А.С.Федорович был послан в Керчь для "описи Митридатовой гробницы" (вероятно, Золотого кургана)²⁴. Узнав, что древний обработанный камень с городища Херсонеса используется местными жителями в качестве готового строительного материала, А.С.Грейг предписал флотскому начальнику в Севастополе контр-адмиралу Ф.Т.Быченскому принять меры к охране древностей и "учредить около места того особенные обходы, поручив оные команде карантинной брандвахты, вблизи развалин тех состоящей"²⁵.

В 1825 г. у адмирала возникла мысль о сооружении в Херсонесе памятника в честь крещения князя Владимира и открытия общенародной подписки на его строительство²⁶. Для того, чтобы установить точно место крещения, А.С.Грейг обратился к известному знатоку крымских древностей И.М.Муравьеву-Апостолу, но, как и следовало ожидать, вразумительного ответа не получил. Кондуктору Кузнецову было поручено составить план городища (на нем отмечено место предполагаемого строительства), а плантеру Карлу Крузе — провести раскопки с целью поиска

фундамента легендарного храма²⁷. Все находимые при раскопках К.Крузе древности немедленно доставлялись в николаевский Кабинет редкостей. Другим источником пополнения собрания стала покупка вещей у местных жителей. В документах зафиксировано имя кузнечного мастера Иванова, продавшего в депо барельеф с изображением овна и капитель из Херсонеса (1824)²⁸.

Растущая коллекция требовала укрепления штата сотрудников. В июне 1823 г. по приказу А.С.Грейга депо было укомплектовано постоянными чиновниками. "Мера сия, отвратив неудобства, соединенные с отвлечением людей сих от настоящих команд, дала способы довести оные до степени настоящего совершенства", — писал адмирал в отчете императору²⁹. При Кабинете редкостей и Библиотеке депо состояли один содержатель (физико-математических дел мастер И.Свешников), 2 вахтера и 4 сторожа³⁰. Обслуживающий персонал депо был весьма далек от научных интересов и вряд ли признавал ценность хранимых им памятников. И.А.Стемпковский с возмущением писал П.И.Кеппелю: "В Николаеве нашел я одну надпись греческую, привезенную с острова Березани, где был храм, Ахиллу посвященный: на ней, в передней, люди точили ножи!!! Больно видеть такое варварство в наш век, называющийся просвещенным; а еще больнее видеть и не иметь средств к отвращению сего вандализма. Правительство должно бы было наконец взять меры к сохранению остающегося, иметь в здешнем крае людей, коим бы поручено было соединять в одно место и оберегать находимые памятники: для сего кажется не нужно было бы и больших издержек"³¹.

В целях объединения коллекций редкостей, находящихся в разных учреждениях Черноморского флота, А.С.Грейг приказал слить собрание библиотеки Штурманского училища и Черноморского депо карт на базе депо, что и было сделано в 1825 г.³²

В том же году управляющим Черноморского депо карт стал Николай Михайлович Кумани (1796–1869), находившийся на этом посту в течение 30 лет³³. По словам современников, Н.М.Кумани происходил из "греческой архонтской фамилии", принадлежал "к образованнейшему классу офицеров Черноморского флота и... в главных европейских языках был совершенный лингвист"³⁴. П.П.Свиньин, посетивший Николаев в 1825 г. и довольно подробно описавший коллекцию древностей депо, не преминул отметить, что его управляющий успешно занимался

археологическими и историческими изысканиями³⁵.

Сохранились письма Н.М.Кумани к П.П.Свиньину, в которых управляющий депо обещает отправить издателю "Отечественных записок" сведения об островах Фидониси и Березань, с мыса Айя в Крыму, просит пополнить библиотеку новыми историческими сочинениями, для покупки которых было выслано 500 руб (в том числе изданием Страбона на французском языке), а также способствовать росту коллекции древностей. "Не встретите ли чего-нибудь любопытного, могущего украсить наше депо, — в таком случае прошу наипобедительнейше, при извещении за какую цену и каким образом можно приобрести ту вещь, взять на себя доставление оной к нам. Извините великодушно за наносимое беспокойство, желание как можно скорее приумножить предметы, в депо хранящиеся, заставляют меня, нарушив некоторым образом учтивость, утруждать вас так много. Впрочем лестное знакомство ваше подает мне смелость надеяться, что вам не противно будет, если я воспользовавшись оным, потщусь обратиться ваше расположение и на пользу вверенного мне заведения, ибо твердо уверен, что в глазах отечественного нашего мецената^{жж} всё, относящееся к обогащению человеческих сведений, имеет цену и удостоится его внимания", — писал Н.М.Кумани 27 декабря 1825 г.³⁶

В среде офицеров флота Н.М.Кумани не был одинок в своих археологических пристрастиях. К тому времени уже появилась группа любителей-археологов, занимавшихся раскопками, описанием и коллекционированием древностей. Среди них можно назвать Николая Дмитриевича Критского, грека по национальности, военного гидрографа, дослужившегося до контр-адмирала³⁷. В 1823–1824 гг. капитан-лейтенант Н.Д.Критский провел раскопки и описал археологические остатки на островах Фидониси, Березань, Тендра. В раскопках святилища Ахилла на Тендровской косе участвовал и мичман Константин Михайлович Навроцкий³⁸. Древностями Пантикапея заинтересовался капитан-лейтенант Николай Юрьевич Патаниоти, раскопавший близ Керчи курган (1820–1821), вошедший в литературу под его именем. К тому же кругу принадлежал и Карл Крузе, один из первых исследователей памятников Херсонеса и Гераклеяского полуострова.

^{жж} Имеется ввиду главный командир Черноморского флота и портов А.С.Грейг

Все эти офицеры являлись поставщиками экспонатов для коллекции Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.

В феврале 1825 г. отставной феоdosийский градоначальник и основатель местного музея С.М.Броневский от имени Общества истории и древностей российских при Московском университете обратился к А.С.Грейгу с просьбой представить в Москву точные сведения о николаевском кабинете, а именно: "краткое историческое показание о учреждении николаевского музея", "валовую опись всех достопамятностей", выполнить несколько рисунков "с самых лучших вещей, заслуживающих особенного внимания", снабдив их краткими объяснениями и примечаниями. Эти данные ОИДР собиралось поместить в своих "Трудах и записках". А.С.Грейг с готовностью откликнулся на пожелание общества и поручил управляющему депо сделать описание собрания³⁹. Оно было составлено Н.М.Кумани и в мае 1826 г. вместе с рисунками представлено обществу. В сопроводительном письме Николай Михайлович писал: "Вменяю себе в особую честь, если общество почтет меня требованием каких-либо объяснений, буде посылаемое описание окажется неудовлетворительным в каком-либо отношении, а также если позволит на будущее время сообщать о предметах археологии и о прочем достойном внимания, в депо поступить имеющим... Нельзя ожидать на будущее время, чтобы наш музей обогатился значительно по части древностей, учрежденные два таковые же в Керчи и Одессе вероятно присвоят себе всё, что найдется редкое, в особенности Керченский, устроенный при самом источнике, откуда беспрестанно извергаются сокровища древней Пантикапеи... Но сие лишение несколько нас огорчать не должно. Нам предстоит обширное поприще по части наук и изобретений, относящихся до мореплавания, которые и должны составлять главнейшую цель депо карт, и если она будет достигнута, то и сие заведение обратит на себя не меньшее внимание"⁴⁰.

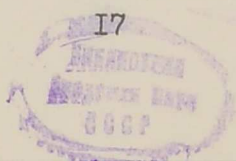
Описание Н.М.Кумани было заслушано на заседании ОИДР 27 октября 1826 г. Общество поручило соревнователю А.Н.Афанасьеву выполнить гравюры шести прилагавшихся рисунков мраморов и надписей. Ровно через год председатель А.А.Писарев показал сочленам "образчик выгравированного... рисунка, представляющего древнего витязя, из собрания достопамятностей николаевского музея"⁴¹, но в то время по неизвестным причи-

нам работа Н.М.Кумани издана не была.

В 1835 г. Николаев посетил начальник Главного морского штаба князь А.С.Меншиков. По его приказу редкости, хранившиеся в Черноморском гидрографическом депо (так с 1832 г. стало называться депо карт), должны были быть переданы в Ришельевский лицей, Одесский городской музей древностей, Керченский музей и Черноморскую штурманскую роту⁴². Узнав об этом, к новому главному командиру Черноморского флота и портов Михаилу Петровичу Лазареву обратились директор училищ Херсонской губернии и инспектор Херсонского училища торгового мореплавания с просьбой выделить некоторую часть экспонатов для своих учебных заведений. Ходатайства были поддержаны. В марте 1835 г. в Херсонскую гимназию передали в общей сложности 525 экспонатов, главным образом естественнонаучного характера, и собрание античных монет (67 экз. из I-й, 2-й, 3-й коллекций депо, вероятнее всего, найденных на Тендровской косе в 1824 г.), а также 5 монет "казанских татар"⁴³.

В 1837 г. в Черноморскую штурманскую роту (ранее - Штурманское училище) были возвращены редкости, которые по приказу А.С.Грейга в 1825 г. переместили из училища в депо карт. Среди них оказались мраморные статуи, бюсты, надгробия, лапидарные памятники (II экз.), "глиняная урна" и 4 сосуда из Ольвии⁴⁴. Была создана специальная комиссия для "освидетельствования и уничтожения попортившихся экспонатов". В нее вошли инспектор штурманов Черноморского флота генерал-майор М.Б.Берх, занимавший до Н.М.Кумани должность управляющего депо карт, полковник Н.М.Кумани и три чиновника штурманской роты. Комиссия составила три ведомости раковин, кораллов, минералов, монет, медалей, моделей, картин и др.⁴⁵

В первой ведомости перечислены редкости, принятые в кабинет Черноморской штурманской роты из библиотеки гидрографического депо. Среди них три коллекции античных монет (третья - "купленная у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденная в разрытом кургане на острове Тендре в 1824 г.") - всего 420 экз.; различные монетные типы от эпохи античности до нового времени, подаренные или приобретенные у частных лиц; геммы, керамические и металлические сосуды, оружие, христианские древности из Херсонеса, статуи, барельефы и камни с надписями, архитектурные детали (33 экз.), "изделия диких на-



родов", минералы, растения, модели и картины. Среди мест находок древностей указаны острова Березань, Фидониси, Тендра, города Ольвия, Херсонес, Тира, Пантикапей, мыс Таклы, Днепровский лиман, Афины, Греция⁴⁶.

Во второй ведомости перечислены редкости, признанные "не стоящими того, чтобы быть в Кабинете редкостей при Штурманской роте". К сожалению, все они погибли для науки. Это резные камни (4 экз.), глиняные сосуды (4 экз.), водопроводная труба из Ольвии (резолуция - "разбиты, выбросить"); мраморный обломок с греческой надписью, "из коей можно разобрать Семен Гока, найденный на о. Фидонисий, доставлен капитан-лейтенантом Критским в 1823 г."; обломки керамики с граффити, найденные в Керчи у подножия горы Митридат капитан-лейтенантом Патаниони (2 экз.) (резолуция - "разбиты и надписей совсем не видно, а потому выбросить")⁴⁷. Сорок пять живописных полотен из коллекции депо были проданы с публичного торга - за них выручили 117 руб⁴⁸.

Никаких сведений о том, были ли переданы коллекции депо в Керченский музей, Рихельевский лицей и Одесский городской музей древностей, мне обнаружить не удалось. Осталось неясным, был ли выполнен приказ А.С.Меншикова.

Коллекцию редкостей переместили в Черноморскую штурманскую роту, как "не принадлежащую к прямым занятиям депо". Однако условия хранения экспонатов из-за этого ухудшились. За ними присматривал только содержатель ротной библиотеки Сапунов, внештатный сотрудник, не получавший "никакого за труды довольствия". Сапунов добился отмены ежегодных ревизий наличия вещей и составления единой описи "за шнуром и печатью"⁴⁹. О каком-либо научном изучении памятников в те годы не могло быть и речи.

В 1839 г. было создано Одесское общество истории и древностей, которое в соответствии с уставом было призвано "собирать, описывать, хранить все остатки древностей, открывающихся в Южной России, или имеющие к оной отношение"⁵⁰. Уже на заседании 24 октября 1839 г. благодаря пожертвованиям членов-основателей ООИД был создан музей общества, получивший собственное помещение в 1840 г.⁵¹ Фактическим руководителем музея стал секретарь ООИД Николай Никифорович Мурзакевич (1806-1883).

27 января 1840 г. Н.Н.Мурзакевич подал почетному президенту общества Новороссийскому генерал-губернатору М.С.Воронцову записку о монетах и древних мраморах, находящихся в Черноморской штурманской роте в Николаеве, в которой предлагал "исходатайствовать" их для музея ООИД, т.к. "монеты собираются внимательно, но статуи и камни с древними надписями, не имея приличного и удобного помещения, от воздушных перемен сильно страдают"⁵². М.С.Воронцов, в свою очередь, обратился к командиру Черноморского флота М.П.Лазареву о передаче памятников в музей общества "для пользы наук и сохранения самих древностей" и получил благожелательный ответ⁵³.

С помощью Н.М.Кумани, избранного действительным членом ООИД, в 1840-1843 гг. в музей общества поступило 36 "статуй, барельефов и камней с древними надписями"⁵⁴. Правда, на одном из писем начальника Черноморского гидрографического депо в ООИД с приложением ведомости отправляемым древностям сохранилась карандашная помета Н.Н.Мурзакевича: "Все ли получено?... Камни присланы без номеров, все перемешано в кучу"⁵⁵.

В 1846 г. общество просило М.П.Лазарева о передаче древних монет: "Монеты сии с большей пользой для ученых и любознательных лиц могут находиться в обществе, которое им непременно составит подробный ученый каталог, в копии могущий храниться при делах Штурманской роты"⁵⁶.

По распоряжению управляющего Черноморской штурманской ротой генерал-майора Ф.М.Шмелева была создана комиссия из 5 человек офицеров и чиновников, служивших в этом учебном заведении, для рассмотрения вопроса - "какие монеты, из хранящихся в ротном кабинете, не нужны для роты... и какие можно передать в Одесское общество истории и древностей". Всего было передано 489 античных монет - три коллекции и "разные древние монеты, найденные в развалинах города" (Херсонеса? - И.Т.)⁵⁷

Таким образом, за 1840-1846 гг. в музей ООИД поступило все античное собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт - Черноморской штурманской роты. Оно стало ядром, важнейшей составной частью музея общества. В штурманской роте, как свидетельствуют документы, остались собрания русских и западноевропейских монет нового времени. В 1859 г. управляющий ротой генерал-майор М.П.Манганари сообщил членам ООИД,

что из ящиков, где хранились золотые и серебряные монеты и медали, было украдено 109 экспонатов, и просил поставить его в известность, если эти вещи будут предлагать "в продажу" музею общества⁵⁸. Древности, переданные в учебные заведения Херсона, по всей видимости, попали в местный музей.

Кабинет редкостей Черноморского депо карт, а позднее Черноморской штурманской роты в Николаеве за более чем сорокалетний период своего самостоятельного существования составил довольно значительную коллекцию античных памятников, в том числе нумизматических, лапидарных, археологических. Однако морской музей, с момента основания являвшийся вспомогательным подразделением одного из учреждений Черноморского флота, не имел строгой системы формирования собраний. Несмотря на усилия И.И.Траверсе и А.С.Грейга хоть как-то упорядочить подбор экспонатов, пополнение коллекций происходило большей частью по воле случая. Для военных моряков сбор, а тем более научное изучение археологических памятников было, скорее, интересным увлечением или попутным занятием, чем серьезным делом. Собрание Кабинета редкостей носило традиционный для русских музеев XVIII – начала XIX вв. "кунсткамерный" характер – естественнонаучные редкости здесь соседствовали с "антиками". Однако сам факт появления николаевского собрания свидетельствует о распространении любительских археологических изысканий в среде офицеров флота, проявление интереса у определенной части местных жителей Новороссии к прошлому своего "класического" края.

К сожалению, специалисты (Е.Е.Кёлер, И.А.Стемшковский, И.П.Бларамберг, П.И.Кёппен) не имели непосредственного влияния на формирование музейных фондов. Николаев не являлся центром сосредоточения сил археологов, таким как Одесса и Керчь.

Создание Одесского и Керченского археологических музеев существенно повлияло на возможности комплектования Кабинета редкостей новыми экспонатами. Еще в 1825 г. Новороссийский генерал-губернатор М.С.Воронцов в одном из писем к А.С.Грейгу выразил надежду, что "со временем сии три музея будут один другому помогать выменом таких вещей, коих в одном из которых-нибудь не будет"⁵⁹, но его пожелание не было претворено в жизнь. В результате в последние 15 лет своего самостоя-

тельного существования николаевское собрание фактически не пополнялось и постепенно пришло в упадок.

Передача античных коллекций Кабинета редкостей Одесскому обществу истории и древностей явилась объективно необходимым и вполне оправданным шагом. Разнообразие фондов противоречило узковедомственной направленности флотских учреждений, при которых находилось собрание, фактически лишало специалистов возможности изучения и публикации памятников. Как справедливо отметил А.М.Разгон, при самостоятельном существовании небольших однотипных музеев распылялись и без того скромные материальные ресурсы, создавалась даже угроза гибели ценных памятников⁶⁰. Но мы должны быть благодарны офицерам Черноморского флота, основавшим первый государственный музей в Новороссии, который позволил сохранить от уничтожения значительное число археологических памятников Северного Причерноморья.

В Одесском археологическом музее АН УССР хранится (инв. № 83180) альбом рисунков с экспонатов музея ООИД, выполненный, вероятно, в 40-х гг. XIX в. Известно, что в 1847-1850 гг. секретарь общества Н.Н.Мурзакевич занимался описанием музея, прежде всего мраморов и надписей. На одном из заседаний ООИД было решено издать описание тиражом 300 экз. в 8-ю долю листа с литографированными рисунками, каждый из которых должен был включать краткий объяснительный текст⁶¹. Однако по каким-то причинам оно в свет не вышло. Характеристика собрания дана Н.Н.Мурзакевичем в статье, опубликованной анонимно в "Новороссийском календаре на 1851 год" без иллюстраций⁶². Найденные в архивах списки экспонатов Кабинета редкостей Черноморского депо карт - Черноморской штурманской роты, а также альбом рисунков с мраморов и надписей музея ООИД позволят установить или уточнить происхождение многих экспонатов ОАМ АН УССР, в том числе памятников, утративших паспорта. Но это уже тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы для истории русского флота. СПб. 1904. Ч.ХУП. С.304,305.
2. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М. 1986. С.92.
3. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала ХУШ века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М. 1963. Вып.5. С.238,239.
4. Аренс Е.И. История русского флота. Царствование Александра I. СПб. 1899. С.79.
5. Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя "Отечественных записок" по России, относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч.27. Кн.75. С.98,99.
6. Белаვენец П.И. Материалы по истории русского флота. М.-Л. 1940. С.100.
7. Крашенинников С.П. Траверсе Иван Иванович // Военный энциклопедический лексикон. 1848. Ч.12. С.649,650.
8. Болгари П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Черноморский флот: Исторический очерк. М. 1967. С.26.
9. Ге Н.Н. Исторический очерк столетнего существования г. Николаева при устье Ингула (1790-1890). Николаев. 1890. С.6-8.
10. Свиньин П.П. Обзорение путешествия... С.98,99.
11. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.3486. Л.70-71 об.
12. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.8. Л.32.
13. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.22. Л.85.
14. Центральный государственный военно-исторический архив. Фонд Военно-ученого архива Главного штаба. Д.19159. Л.173
15. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.22. Л.88.
16. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч.2. 1796-1823. Одесса. 1838. С.103, 104.
17. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С.35.
18. ЦГАВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.4221. Л.1,2.
19. Там же. Л.5 об. - 8.

20. ЦГАВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.4326. Л.1.
21. Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. С.96.
22. Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг. М. 1984. С.86.
23. ЦГАВМФ. Ф.19. Оп.1. Д.117-б. Л.11 с об., 14 об., 30 об.
24. ЦГАВМФ. Ф.402. Оп.1. Д.145. Л.514 об.
25. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1630. Л.1.
26. Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонисе храма св. равноапостольного кн. Владимира // ИТУАК. 1888. № 5. С.6-7; Лашков Ф. Архивные документы, относящиеся к истории сооружения в Херсонисе храма св. равноапостольного кн. Владимира // ИТУАК. 1888. № 5. С.19-23; [Внутренние известия]. Николаев, 30 марта // Северная пчела. 11 мая 1827 г. № 57. С.1,2.
27. Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докл. [научн. конф.]. Севастополь, 1988. С.119-121; ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1630. Л.6,7 об.,10,11,14,14 об.
28. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.3486. Л.72 об.
29. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.117 б. Л.11,11 об.
30. ЦГАВМФ. Ф.1067. Оп.1. Д.27. Л.8 об.
31. ЛО ААН. Ф.30. Оп.3. Д.282. Л.7 об.
32. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.3486. Л.17,18.
33. Общий морской список. СПб., 1893. Ч.7. С.349-351.
34. Кумани Н.М. Действия Черноморского флота в царствование императора Александра I, с 1801 по 1826 гг. / Публикация Скрягина С.А. // Морской сборник. 1900, № 9. Неофиц. отд. С.44,45.
35. Свиньин П.П. Обзорение путешествия... С.102.
36. ОР ГПБ. Ф.679. Оп.1. Д.79. Л.1,3,5,7.
37. Общий морской список. СПб., 1890. Ч.4. С.154-156; Белавенец П.И. Критский Николай Дмитриевич // Русский биографический словарь. 1903. Кнабе - Кюхельбекер. С.444,445.
38. Тункина И.В. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе // ЛОИИ АН СССР. Тез. докл. научн. чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения А.И.Доватура / У Доватуровские чтения /. Л., 1987. С.34-36.
39. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1828. Л.40,40 об,41,49,80.
40. ОР ГБЛ. Ф.203. Оп.1. Д.4. Л.10,11.

41. Там же. Л.2 об.,78 об.
42. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.І. Д.3486. Л.І,90.
43. Там же. Л.І с об.,4-6 об.,8-11,14.
44. Там же. Л.17-20,43.
45. Там же. Л.43-49,63.
46. Там же. Л.66,68-73 об.,81-82 об.
47. Там же. Л.84,84 об.
48. Там же. Л.93,93 об.
49. Там же. Л.87,87 об.,90.
50. Брун Ф.К. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса. 1870. С.10.
51. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.І. Л.8 об.,9,21 об.
52. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.39. Л.2,2 об.
53. Там же. Л.3,3 об.; ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.2. Л.20 об.,21, 27.
54. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.39. Л.5-24; Мурзакевич Н.Н. Коллекция древних памятников, присланных из Николаева // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т.І. С.636.
55. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.39. Л.5.
56. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.І. Д.4719. Л.І,1 об.
57. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.І. Д.4719. Л.3-8.
58. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.55. Л.281-281 об.
59. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.І. Д.1708. Л.І,1 об.
60. Разгон А.М. Археологические музеи в России(1861-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. 1961. Вып.3. С.194.
61. ГАОО. Ф.93. Оп.І. Д.158. Л.53,90; Д.2. Л.65 об.; Д.3. Л.3..
62. [Мурзакевич Н.Н.] Музеум Одесского общества истории и древностей // Новороссийский календарь на 1851 год. Одесса, 1851.

СОДЕРЖАНИЕ

А.А.Формозов. Предисловие.....	3
И.В.Тункина. Кабинет редкостей Черноморского депо карт.....	9
С.П.Шавелев. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я.Самоковасова.....	25
Т.Б.Купряшина. Коллекции из имения А.С. и П.С.Уваровых Карачарово в Муромском музее.....	51
А.А.Формозов. Уральский археолог М.В.Малахов.....	70
В.А.Бердинских. Вятский период жизни А.А.Спицына.....	81
Н.Б.Стрижова. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея.....	102
Л.В.Алексеев. Е.Н.Клетнова - один из первых смоленских археологов.....	121
И.В.Семенова, А.А.Мальшев. Вклад музея г. Покровска в изучение древностей Нижнего Поволжья.....	137
Б.В.Лунин. Археология на Нижнем Дону в системе исторического краеведения 1920-х годов.....	151
Список сокращений.....	163

Подписано к печати 14.06.91.

Усл. п.л. 10,25. Усл. кр.-тотт. 10,38

Уч.-изд.л. 9,04. Печать офсетная

Тираж 299 экз. Зак. 147. Цена 3⁴р. 60 к.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28